

18+

ЖАННА СТАЛКЕР

МАРИНЕТТ МОРТЕМ И ПРИЗРАК СМЕХА

АЛХИМИК АРКАДИЙ

Жанна Сталкер

**Маринетт Мортем и Призрак
смеха. Алхимик Аркадий**

«Издательские решения»

Сталкер Ж.

Маринетт Мортем и Призрак смеха. Алхимик Аркадий /
Ж. Сталкер — «Издательские решения»,

Тридцать лет ты считаешь его другом. Смеешься над его постами, думаешь познакомить с дочерью. Ты называешь это дружбой. Он отвечает односложно, но с юмором. Ты ждёшь от него внимания и денег. А он молчит и отшучивается. Совпадал только смех. Роман-сталкинг о том, как перестать ждать от призрака хоть что-то — и начать жить за свой счёт. Иногда мы ценим не человека, а ту версию себя, и эмоции или смех, которые он в нас пробуждает. Прочитай. Узнай себя. Перестань ждать. Начни требовать.

© Сталкер Ж.

© Издательские решения

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ	7
КАК РОДИЛАСЬ ЭТА КНИГА	8
АКТ ПЕРВЫЙ: «ОЗЕРО»	9
Глава 1. Тридцать лет глади	9
Глава 2. Режиссёр и её небо	13
Глава 3. Озёрная коммуникация	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Маринетт Мортем и Призрак смеха Алхимик Аркадий

Жанна Сталкер

Оформление обложки Картинки были сгенерированы в нейросети Fabula-ai.com Ссылка на сервис: <https://fabula-ai.com/>

© Жанна Сталкер, 2026

ISBN 978-5-0070-7586-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга родилась не из желания написать роман. Она родилась из вопроса, который я задавала себе тридцать лет: «Кто ты мне?»

Я не знаю, сколько у него было жён. Я не знаю, как зовут его детей и сколько их. Я не знаю, что он ест на завтрак и боится ли темноты. Но я знаю его смешные посты. Я помню шутки, которые он написал в 2000 году. Я цитирую его так, будто он — классик литературы, а не случайный собеседник в интернете.

Он отвечал мне односложно, но всегда с юмором. Он никогда не задавал вопросов о моей жизни, но я рассказывала ему всё. Он был озером, в котором я видела своё отражение. И я назвала это дружбой.

Но однажды он общение иссякло, а озеро нет. И я осталась одна перед этим озером. Без его смеха. Без его активности. Без иллюзии, что я кому-то нужна.

Тогда я пошла к магу Хулиану Осорио. Я попросила сеанс сталкинга. И он сказал мне то, что я боялась услышать: «Ты не знаешь его. Ты знаешь только своё отражение. Отпусти».

Эта книга — мой сталкинг. Мой способ перестать смотреть в чужое небо и начать видеть своё. Если вы когда-либо дружили с призраком — эта книга для вас. Мы пройдем этот путь вместе. От смеха до тишины. От тишины до себя.

*С уважением,
Жанна Сталкер*

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках книгу о призраке. О том, кто был рядом тридцать лет, но никогда не был твоим. Если ты ищешь здесь инструкцию, как наладить отношения или найти идеального друга — закрой её. Здесь нет рецептов.

Здесь есть только честный разговор. О том, как мы влюбляемся в отражения. Как мы даём людям роли, которые они не просили. Как мы смеёмся над тем, чего не понимаем, и называем это близостью.

Я придумала эту книгу, чтобы перестать искать тебя в чужих смысловых полях. Чтобы научиться смеяться без твоих шуток. Чтобы понять: я не одинока. Я просто забыла, что моё небо — это тоже небо.

Я не знаю, прочитаешь ли ты её. Аркадий. Но если прочитаешь — я хочу, чтобы ты знал: ты никогда не был моим другом (вот же ты жучара, а еще и обеспечивать меня не поспешал, а я говорила — мне надо от тебя деньги, а то у тебя их кажется много, вроде бы заработал). Но ты был моим отражением. И я благодарна тебе за это (но лучше б конечно деньгами). Без тебя я бы не увидела себя (хотя нашелся бы и другой способ).

А теперь — вдохни. Открой первую страницу. Это наша общая история. Но заканчивается она не тобой. А мной.

Твоя (бывшая) Жанна.

КАК РОДИЛАСЬ ЭТА КНИГА

Я думала, что пишу книгу о забавном алхимике из интернета. О человеке, который тридцать лет смешил меня своими постами про серу и ртуть. Я думала, что это будет история о дружбе — не случившейся, придуманной, но всё равно важной.

Я ошибалась.

Эта книга родилась не из любви к его текстам. Она родилась из жадности. Из желания присвоить себе чужое тепло. Материализовать призрака. Сделать его частью моей реальной жизни. Познакомить с дочерью. Вписать в семью. Закрепить его в моём мире — потому что тридцать лет смеха не могут же просто испариться, правда?

Я хотела, чтобы он стал легитимным. Чтобы моя дочь увидела: у мамы есть друг. Настоящий. Живой. Который смешит её уже тридцать лет.

Но он не пришёл. Он не ответил. Он остался на своей стороне экрана. И тогда я поняла: я не писала книгу о нём. Я писала книгу о своей иллюзии. О том, как я придумала дружбу, которой не было. О том, как я вложила в него свои ожидания — и они рухнули.

Я обижена. Да, я обижена. Не на него — на реальность, которая не совпала с моим сценарием. На то, что он оказался не тем, кого я придумала. На то, что он просто устал, или занят, или не умеет держать связь. Или ему просто не нужна я.

И знаете что? Это не про него. Это про меня.

Я хотела присвоить его через дочь. Сделать его частью семьи. Но он автономен. Он не обязан соответствовать моим ожиданиям. Он не обязан платить по моим счетам — ни эмоциональным, ни финансовым.

Эта книга стала моей терапией. Моим способом перестать ждать ответа от призрака и начать писать свои собственные тексты. Присвоить себе его стиль, его юмор, его лёгкость — и стать сильнее. Без него. Сама. Но в конце я придумала хороший финал, почему бы и нет?

Мой главный инсайт: мне не нужен он. Мне нужен тот смех, который он пробудил во мне. И я могу создать его сама. Уже создаю.

Так что эта книга — не о нём. Она о моей надежде на дружбу. И о том, как я научилась жить без этой надежды.

И ещё кое-что. Я поняла: я хотела не просто дружбы. Я хотела, чтобы он был полезным. Чтобы он помогал. Чтобы он обеспечивал. Я злилась, что он не даёт денег. Но разве он мне что-то должен? Только потому что я тридцать лет читала его посты? Это смешно. Это абсурд. Это — я. Моя потребность в внимании и обеспечении. Моя уязвимость. Моя попытка выжать из призрака хоть что-то реальное.

Теперь я смеюсь над этим. По-настоящему. Без его шуток. Без его постов. Без него.

Я стала своим собственным призраком смеха.

И это — лучшее, что случилось со мной за тридцать лет.

АКТ ПЕРВЫЙ: «ОЗЕРО»

Глава 1. Тридцать лет глади

Я сижу на кухне. За окном — 2026 год. За окном — март. За окном — серое небо, которое не знает, хочет ли оно дождь или снег. За окном — жизнь, которая идёт своим чередом, не спрашивая моего разрешения.

На столе — чашка остывшего чая. На столе — ноутбук. На ноутбуке — открытая страница. На странице — он.

Я делаю это уже тридцать лет. Открываю. Читаю. Смеюсь. Закрываю. Живу дальше. И это называется «дружба». По крайней мере, я так это называла.

Сегодня он написал: «Сера в тигле не терпит суеты. Если вы торопитесь — вы получаете не философский камень, а вонючую лепёшку. Проверено на трёх женах».

Я смеюсь.

Я смеюсь так, что чай расплёскивается на клавиатуру. Я смеюсь одна в пустой квартире, и этот смех звучит глупо, гулко, как мяч, который бросают в стену и он возвращается обратно, потому что некому его поймать.

Но мне не грустно. Мне смешно. Мне тридцать лет смешно. И это — единственное, что я знаю о нём наверняка.

Я впервые увидела его в 2000 году. Тогда у меня был компьютер с монитором, который весил как я сама. Тогда интернет был не тем, что сейчас. Тогда интернет был — магия. Тогда интернет был — другой мир. Тогда интернет был — надежда.

В 2000 году мне было 24 года. Я была худой, как ветка. Я носила чёрный свитер, который обожала еще с института. Я была замужем. Но я хотела, чтобы еще кто-то меня увидел. Я хотела, чтобы кто-то меня понял. Я хотела, чтобы кто-то сказал мне: «Ты существуешь». И желательно, приобрести свою свиту, которые бы мной восхищались.

Я зашла в чат IRC. Он назывался «#RusUnix», там были алхимики: сисадмины и программисты, гики — те кто знали, как настроить кде под фребеэсде (шутка с башорга того времени). Это было первое место в интернете, где никто не спрашивал «кто ты по знаку зодиака». Там просто угарали умные люди. А меня там считали то парнем, то майором ФСБ, потому что не верили, что в этом чате может быть девушка. Меня там обожали, я любила этот чат за юмор, шутки и обожание. Но я, будучи программистом и даже изучавшая Оракл и Фокспро (а так же писала и админила программы на Клиппере, и даже сопровождала прогу-динозавра на редком и древнем Ирисе), все равно ничего не понимала из того, что они там обсуждали по настройкам Юникса. Эти красноглазые юниксоиды говорили словами, которые пахли смыслом, и понимать этот смысл могли только они. Я привыкла и адаптировалась к такому формату, и так у меня там появились друзья Антон, Аркадий, Аспер и Серега — коллега с которым я работала вместе в таможне, и мы сидели с ним рядом на соседних столах, от него и я узнала про этот чат.

И там было много чего интересного, Марихаос даже сделал мне мой сайт с моими фотографиями, тогда это вообще было редкость. Там же в Мирке (mIRC) я познакомилась с Васей, в чате Оракла. Про Васю я писала в книге «Маринетт Мортем: Наследие магии и острие духа режиссера», где я назвала его Вася Пупкин, и он обиделся. А он был Пучков.

В общем, общение кипело.

И там вот в русюниксе был еще и Аркадий — он назвался Арканойд, а звали его Алекс. Я предполагаю, что он все-таки Алексей, хотя может и Александр. Я все время забывала и актуализировала у него инфу, как же его зовут, но скорее всего Алеша, которого я по личной инициативе и для юмора и простоты называла Аркадий, и Арк, Аркемой как его называли

друзья в чате. Он вел свои бложики, где писал непонятные штуки, про свои админские штучки, которые были для меня чистой алхимией: «Сера — это душа. Ртуть — это разум. Соль — это тело. Соедини их неправильно — и ты получишь не золото, а яд. Соедини их правильно — и ты увидишь чудо. А теперь скажи: ты когда-нибудь пробовала варить сгущенку?»

Я не знала, что ответить. Я не варила сгущенку. Я варила макароны. Но почему-то его слова не отпускали. Они были странными. Они были для меня наполовину бессмысленными. Они были — его. В них был юмор, как ценность.

Я написала: «Я не варю сгущенку. Я варю гречку. Это считается?»

Он ответил: «Гречка — это земля. Ты уже на полпути. Добро пожаловать в алхимию».

Я засмеялась. Я перечитала его ответ пять раз. Потом десять. Потом я сохранила этот чат в текстовый файл. Я назвала файл «Аркадий. Первый раз». Он лежит у меня в папке «Старое» до сих пор. Я его никогда не удаляла. А вообще пусть платит за хранение этой информации, у меня мозг и память на компе не резиновые. Аркадий, где твои деньги? Почему они еще не мои?

Я тогда не знала, что эти шутки продлятся тридцать лет. Я тогда думала, что это просто смешной разговор. Я тогда думала, что это — начало дружбы.

Теперь, тридцать лет спустя, я сижу на кухне и перечитываю его новые посты. Он больше не называет себя Арканойдом. Он называет себя Аркадий Алхимик. Он сменил ник, но не сменил суть. Он всё так же пишет о сере, ртути, соли, тиглях, процессах и превращениях. Он всё так же смешно материт тех, кто делает не так. Он всё так же не отвечает на личные вопросы. Он всё так же — озеро.

А я всё так же — та, кто смотрит в это озеро.

Я уже не худенькая девчуля в чёрном свитере. Мне 49 лет. И у меня есть эта книга, которую я не могу написать, и дочь, которой я хочу дать всё что есть в пределах доступа моего внимания, включая забавного Арканойда.

Дочьзовут Маринетт. Маринетт Мортем. Она — режиссёр. Она — художница. Она — то, что я создала сама, без всякой алхимии. Она — мой философский камень.

Но иногда мне кажется, что я хочу, чтобы Аркадий и ей пригодился, ведь он же смешной и достаточно безобидный. Чтобы он сказал ей что-то смешное. Веселил ее временами. Обеспечивал (а что ж, у него, наверное, есть деньги, ну не зря же он где-то работает, раз такой умный). Такой ресурс не задействован. Не плохой же чувак! Чтобы, он стал частью нашей семьи — хотя бы в интернете. Хотя бы в моей голове.

Я знаю, что это странно. Я знаю, что это не нормально. Я знаю, что Маринетт уже и забыла, что я когда то говорила о нем. Точнее, когда я познакомилась с Ваней, по фамилии Смирнов, то я пошутила — сказала дочери, что это мой сын от Арканойда — Алеши Смирнова и он жил с ним, а в свои 18 появился. Дочь так настойчиво остановилась и стала всматриваться в мою мимику, и пыталась понять, шучу я или нет. Ну тут я рассмеялась, что это просто однофамильцы. Я знаю, что из-за таких шуточек она считает меня немного тью-тью. Ну а как бы я ей объяснила еще, кто такой Ваня.

Но она не знает одного: я не хочу, чтобы он был её другом. Я хочу, чтобы она увидела, что я не одна. Что у меня есть кто-то, кто смешит меня уже тридцать лет. Что у меня есть кто-то, кто знает меня — хотя бы как отражение. Что я не одинока во вселенной, и у меня есть друг в интернете! Ну пусть даже ему и не до меня, но контент то он публикует (хотя я уже много лет его не отслеживаю, но временами бывает — могу заглянуть, оптом полистать его опусы). Чаще же я рассказываю Алеше какие-то личные хохмы, хотя главная хохма — что он Аркадий.

Я хочу, чтобы она поняла: я не одинока. Я просто живу в озере.

Я допиваю чай. Я закрываю ноутбук. Я смотрю в окно на серое небо. Я думаю о том, что сегодня напишу ему снова. Я уже знаю, что напишу. Я напишу: «Аркадий, куку. Я хочу, чтобы ты познакомился с моей дочерью. Она режиссёр. Ты смешной. Она — как я, но получше. Ты

ей понравишься. Познакомься с ней. Хотя бы виртуально. И вообще — начни нас уже просто так обеспечивать, а то что ты, как не родной?».

Я отправлю это сообщение сегодня. Я отправлю его и завтра, в другой вариации. И послезавтра. И через неделю. Я не боюсь его ответа. Я не боюсь, что он напишет «нет». Или просто промолчит. Или отшутится. Потому что Аркадий — он всегда ж одинаковый. Забавный, смешной, отстраненный, но приятный юмористически.

Но я всё равно в коннекте с Аркадием. Хоть не понимаю, зачем, он уже и старенький, и денег не высылает. Так зачем же он нужен? Может, он не нужен? Или я просто привыкла, что, когда я его не помню, его нет в моем инфополе. А стоит вспомнить, тыркнуть его, он актуализирует свое бугага. Потому что тридцать лет — это срок. Потому что я хочу знать: есть ли там кто-то, кроме моего отражения. Или озеро пустое. Типа палочкой потыкать. А может быть, бобик сдох. А нет. Живой, смотри-ка. Можно еще над ним поглумиться, но совершенно по-доброму. А почему б и нет?

Я беру телефон. Я захожу в мессенджер. Я вижу его старый аватар — в виде 2D чувачка, сделанного искусственным интеллектом. Я вижу последнее сообщение — оно было отправлено мной. Я вижу, что он его прочитал и молчит. Это сообщение висит там три дня. Три дня он молчит. А я — то помню его, то не помню. Ну я еще что-нибудь напишу.

Я пишу новое сообщение.

«Арк, как дела? Э! Что, смешного не будет?»

Я отправляю.

Я жду.

Ничего.

Я закрываю телефон. Я ставлю чайник. Я смотрю на часы. 10:37 утра. Дочь ещё спит. Она ложится поздно, она монтирует свой фильм «Обсессию». Она — режиссёр. Она — моя гордость. Она — та, про кого я пишу эту книгу.

Я думаю: может, не надо её с ним знакомить? Может, не надо впутывать её в эту историю? Может, я просто хочу, чтобы он был полезный и забавный и для нее?

Я не знаю.

Я ничего не знаю.

Я знаю только, что его посты смешные. И что я не понимаю их смысла. И что мне всё равно смешно.

И что я жду его ответа уже тридцать лет. Хотя нет. Троллить его, чтоб он высылал мне деньги я начала его всего пару лет назад, когда задумалась о его пользе и роли в моей жизни. Типа — ну есть чел, и он ничего для меня не делает. Зачем я с ним общаюсь и трачу на него свое внимание.

Он не ответил. Потом на что-нибудь другое ответит, какая разница.

Я ставлю чай на стол. Я сажусь. Я открываю ноутбук снова. Я захожу на его страницу. Я вижу новый пост.

«Ртуть подвижна, как мысль. Не пытайтесь её поймать. Попробуйте её понять. Да, я видел людей, которые ее ловили! Зрелище не для слабонервных! Но если вы её поймаете — она перестанет быть ртутью. Она станет водой. А вода — это уже скучно. Держите ртуть в руках. Будьте с ней. Не пытайтесь быть ею. Она всё равно не станет вами. Она станет вашим отражением».

Я смеюсь.

Я смеюсь снова.

Я перечитываю этот пост и думаю: он знает, что я его читаю? Он знает, что я перечитываю его слова по сто раз? Он знает, что я храню его посты в папке «Аркадий. Денежный должок»?

Он знает.

Или не знает.

Или ему всё равно.

Я закрываю ноутбук. Я звоню дочери. Она не берёт трубку. Я пишу ей: «Маринетт, вставай. У меня есть идея для твоего фильма. Идея о человеке, который тридцать лет смеётся над тем, чего не понимает».

Через пять минут она отвечает одним сообщением: «Мать, ты про этого Аркадия?»

Я пишу: «Да».

Она пишет: «Я иду в душ. Через час я приду к тебе. И ты расскажешь мне всю эту историю. С самого начала. Без шуток. Без его постов. Без отражений».

Я смотрю на телефон. Я смотрю на ноутбук. Я смотрю в окно. Я думаю: «Как я расскажу ей всю эту историю, если я сама не знаю, кто он мне? Раз я не знаю кто он, значит пусть платит деньги. Сама назначу его должником, за то, что мое внимание зафиксировал на своем контенте».

Я не знаю.

Я ничего не знаю.

Я знаю только, что тридцать лет назад я встретила человека, с которого я стала смеяться. И что тридцать лет спустя я всё ещё смеюсь.

И что, может быть, это и есть дружба.

Или, может быть, это и есть одиночество.

Я выдыхаю.

Я жду дочь.

Я жду денег от Аркадия.

Я жду ответа.

Тридцать лет глади. Тридцать лет ожидания. Тридцать лет отражения.

Так начинается эта история.

Так начинается stalking.

Глава 2. Режиссёр и её небо

Маринетт приходит через час. Ровно через час. Она всегда приходит ровно через час, если говорит «через час». Она режиссёр. У неё есть чувство времени. У неё есть чувство кадра. У неё есть чувство всего, чего у меня нет.

Она входит в кухню не как дочь, а как персонаж. Я смотрю на неё и вижу: она ставит меня в кадр. Она видит меня как сцену. Она видит меня как материал. Это одновременно раздражает и восхищает.

— Мать, ты опять не спала? — спрашивает она, открывая холодильник.

— Я спала, — вру я.

— Ты не спала. Ты сидела и смотрела на экран. Твой чай остыл. Ты не пила его два часа. Я знаю тебя.

Маринетт достаёт йогурт, садится напротив меня, смотрит на мой ноутбук, потом на меня, потом снова на ноутбук.

— Он снова написал?

— Откуда ты знаешь?

— Потому что у тебя лицо человека, который ищет ответы в неработающем приложении. Рассказывай.

Я смотрю на неё и думаю: она прекрасна. У неё мои глаза, но в них больше жизни. У неё мои руки, но они держат камеру. У неё моя голова, но она заполнена не алхимией, а фильмами. Она — моё лучшее творение. Она — моя дочь. Это я родила! Она — моя гордость. Она — моя правда.

Но я не могу ей врать. Она видит насквозь. Она режиссёр. Она видит ложь даже в том, как я дышу.

— Аркадий написал смешной пост про ртуть, — говорю я. — Про то, что она подвижна, как мысль. Что если её поймать — она перестанет быть ртутью. Станет водой. А вода — это скучно. Я смеялась.

— Ты смеялась над тем, что не поняла? — она поднимает бровь.

— Я поняла. Я поняла, что он забавный.

— Ты не поняла. Ты просто хочешь, чтобы он был забавным. Ты влюблена в него?

Я замолкаю. Я не знаю. Я правда не знаю. Влюблена ли я в него? Ну вообще то он похож на кота Базилио. Но на кота, это хорошо. Я иногда даже заставляю его мяукать мне в кружочках. Но на Базилио! Да, прям из той детской сказки — её ранней экранизации. Я никогда не думала об этом в таком ключе. Он — просто смешной. Он — просто текст. Он — просто отражение. Я знаю только его слова. Но разве этого достаточно, чтобы быть влюблённым в его юморную лингвистическую психоделику?

— Нет, — говорю я. — Я не влюблена. Я просто хочу, чтобы он был в моей жизни — а конкретно — деньгами. Его писульки я и сама почитаю, как-нибудь потом. Хотя бы как призрак, который просто молча пересылает деньги на счет.

— Призрак не может быть в жизни. Призрак — это отсутствие.

Маринетт доедает йогурт, ставит баночку в раковину, подходит ко мне, садится рядом, берёт меня за руку. Её руки тёплые. Мои — холодные. Я забываю, что я живой человек. Я забываю, что я могу быть тёплой. Мне за каким то чертом должен денег левый мужик, который не признает своих обязательств.

— Мам, давай разберёмся, — говорит она тихо. — Я хочу понять. Ты знаешь, сколько у него детей?

— Трое. Или четверо. Я не знаю. Я не помню. Я никогда не интересовалась таким вопросом.

— Ты не помнишь, сколько у твоего друга детей?

— Да я забыла! Он то рассказывал, то не рассказывал. Я не спрашивала. Ну кого-то он народил за 30 то лет. Он в постах своих рассказывал только про алхимию. Я знаю его посты. Я не знаю его жизнь.

— И это дружба?

Я смотрю на неё. Я хочу сказать «да». Я хочу сказать «конечно». Я хочу защитить себя. Я хочу защитить свою убежденность, что такая дружба. Но я не могу. Потому что я знаю: она права. Это не дружба. Это что-то другое. Это — зависимость от воспроизводящейся памяти о человеке, который ничем мне не обязан. А тогда зачем мне держать в голове эту лишнюю информацию, что она мне дает.

— Я не знаю, — шепчу я. — Я правда не знаю.

— Значит, так, — Маринетт встаёт, подходит к окну, смотрит на серое небо. — Я хочу снять фильм про это. Про женщину, которая дружит с незнакомцем. Которая смеётся над тем, чего не понимает. Которая тридцать лет смотрит в озеро и думает, что это небо. Ты — мой персонаж, мать. Ты — снова прототип, и главная героиня.

— Я не хочу быть героиней, — говорю я. — Я хочу, чтобы он был героем. Я хочу, чтобы он был смешным. Я хочу, чтобы он стал частью семьи. Снимай про него. Он так смешно материться на людей, которые что то делают криво или неправильно!

— Он не станет частью семьи. Он — призрак. Призраки не входят в семью. Они просто отражаются в стёклах.

Я молчу. Я не знаю, что сказать. Я хочу спорить. Я хочу кричать. Я хочу сказать, что она не права. Но я не могу. Потому что она права.

— А ты? — спрашиваю я. — Ты хочешь с ним познакомиться?

Маринетт поворачивается ко мне. Она смотрит на меня так, как смотрит на актёров, которые не понимают сценарий. Она смотрит с жалостью. С любовью. С усталостью.

— Мам, я не хочу с ним знакомиться. Я хочу, чтобы ты перестала искать его в каждом сообщении. Я хочу, чтобы ты перестала ждать ответа. Я хочу, чтобы ты увидела своё небо. Не его отражение. Своё.

Она подходит ко мне, обнимает меня. Я чувствую её запах — шоколадный мусс, дорогой парфюм, усталость. Я чувствую, что она — моя дочь. Я чувствую, что она — моя опора. Я чувствую, что я — не одна.

Но я всё равно смотрю на ноутбук.

Я всё равно жду ответа. А что там Аркадий то написал? Опять кто-то неправильно что-то сделал кривыми руками и есть где похихикать?

Я всё равно смотрю в озеро.

— Мам, — говорит она, — давай договоримся. Ты не будешь писать ему сегодня. Ты не будешь проверять сообщения. Ты просто посидишь со мной. Мы посмотрим старые фото. Мы выпьем чай. Мы просто поговорим. Ты и я. Без Аркадия.

— А завтра?

— Завтра — как завтра. Но сегодня — только мы. Сегодня я хочу, чтобы ты увидела, что рядом есть живой человек. Я. Твоя дочь. Не призрак.

Я смотрю на неё. Она улыбается. Она красивая. Она настоящая. Она здесь.

Я закрываю ноутбук.

Я говорю «да». Аркадий не платежеспособный в мою сторону. Чего это на него тратить время.

Я выдыхаю.

Мы сидим на кухне. За окном — март. За окном — 2026 год. За окном — небо, в котором не отражается никто. Оно просто есть. Оно не ждёт ответа. Оно не пишет посты. Оно просто — небо.

Мы смотрим старые фото. На них я — молодая. На них Маринетт — маленькая. На них мы смеёмся. Настоящим смехом. Без текстов. Без алхимии. Без Аркадия и его осмысления понятных ему шуток.

— Почему ты никогда не показывала мне его фото? — спрашивает она.

— А чего на него смотреть. Кота Базилио видела?

— Что, правда похож?

— Ну а как же. Только я не рыжая плутовка, не Лиса Алиса.

— И ты называешь это дружбой?

Я смотрю на старую фотографию. На ней Маринетт три года. Она держит в руках воздушный шар. Она смеётся. Этот смех не требует ответа. Он просто есть.

— Я не знаю, как это назвать, — говорю я. — Я просто знаю, что он смешной. И что я смеюсь. И что мне этого достаточно. Тридцать лет мне было достаточно. Почему сейчас должно быть по-другому?

Маринетт берёт мою руку. Она сжимает её. Она говорит тихо, но чётко:

— Потому что ты хочешь вписать его в нашу семью. Потому что ты хочешь, чтобы я тоже смотрела в это озеро. Потому что ты хочешь, чтобы он стал реальным. А он не станет. Он — текст. Он — шутка. Он — отражение. И если ты хочешь, чтобы он оставался смешным — оставь его в озере. Не впускай его в наше небо. Отдели годный контент от автора-человека.

Я молчу.

Я смотрю на неё.

Я понимаю, что она права.

Я понимаю, что я боялась это признать.

Я понимаю, что эта книга — не о нём. Она о том, как я училась видеть небо.

Но я всё равно хочу, чтобы он ответил.

Я всё равно хочу, чтобы он увидел меня. А вдруг его лишние деньги найдут ко мне дорогу.

Я всё равно хочу, чтобы он был. Хотя бы кошельком, что собственно было бы оправдано.

А то зачем он?

Чай остывает.

Маринетт ушла в свою комнату.

Я снова открываю ноутбук.

Я снова вижу его пост.

Я снова смеюсь.

Я снова пишу ему: «Арк, я хочу познакомить тебя с дочерью. Она режиссёр. Она заценит твой юмор. Она лучше меня. Ты ей понравишься. Ты чего там, усиленно отдыхаешь?».

Я отправляю.

Я жду.

Ничего.

Я закрываю ноутбук.

Я смотрю на чай.

Я смотрю на небо.

Я думаю: «Ладно. Потом я напишу ему чего-нибудь снова».

Глава 3. Озёрная коммуникация

Проходит три дня. Три дня я не пишу ему. Три дня я проверяю телефон каждые пять минут. Три дня я перечитываю его старые посты. Три дня я живу в озере.

Маринетт уехала на съёмки. Она сказала: «Мам, я вернусь через неделю. Не пиши ему. Просто посиди с собой. Поговори сама с собой. Ты не умрёшь от тишины».

Я не умерла. Я просто перестала существовать. Я перестала быть. Я стала тенью. Я стала ожиданием. Я стала тем, кто ждёт ответа.

Я открываю папку «Аркадий. Всё». Там 347 файлов. Я сохраняла каждый его пост с 1996 года. Я сохраняла каждое его сообщение. Я сохраняла даже те, в которых он писал просто: «Ок» или «Смешно» или «Понял». Я не знаю, зачем я это делала. Я просто знала: если я не сохраню — я потеряю его. А потерять его — значит потерять что-то смешное.

Я открываю самый первый файл. 1996 год. Я читаю.

«Сера — это душа. Ртуть — это разум. Соль — это тело. Соедини их неправильно — и ты получишь яд. Соедини их правильно — и ты увидишь чудо. А теперь скажи: ты когда-нибудь пробовала варить мыло?»

Я перечитываю это в тридцатый раз. Я смеюсь. Я перечитываю в тридцать первый. Я смеюсь снова. Я перечитываю в тридцать второй. И вдруг я перестаю смеяться.

Я смотрю на этот текст и понимаю: я не знаю, о чём он. Я не знаю, что такое «сера — это душа». Я не знаю, что такое «ртуть — это разум». Я не знаю, что такое «соль — это тело». Я не знаю, что такое «варить мыло». Я не знаю, что он имел в виду. Я не знаю, был ли это юмор. Я не знаю, был ли это бред. Я не знаю, был ли это гений.

Я просто смеялась. Я смеялась тридцать лет над тем, чего не понимала.

И это — моя дружба. Вот ведь умный говнюк, а мог бы писать что-то понятное!

Я закрываю папку. Я смотрю в окно. Я думаю: «А что, если я никогда не знала его? Что, если я знала только своё отражение? Что, если он — просто озеро, в котором я вижу себя? Что, если он не смешной? Что, если мне смешно от того, что я сама хочу смеяться?»

Я вспоминаю его ответы на мои сообщения. Я вспоминаю, как он писал: «Ок», «Смешно», «Понял». Я вспоминаю, как он никогда не спрашивал: «А ты как? А что у тебя? А как твоя дочь? А что ты чувствуешь?»

Я пролистываю нашу переписку. Тридцать лет. Тридцать лет сообщений. И я нахожу только три вопроса, которые он задал мне за всё это время:

1. «Ты когда-нибудь пробовала варить мыло?» (1996)

2. «Чо Чо?» (2005)

3. «Зочем ви травите?» (2015)

Три вопроса. Тридцать лет. Триста шестьдесят месяцев. Десять тысяч девятьсот пятьдесят дней. Три вопроса.

Я смотрю на это и понимаю: я не особо то знаю, кто он. Я не знаю, сколько ему лет (ну вроде как мне, а правда, сколько там ему?). Я не знаю, где он живёт. В Болгарии он живет! А в каком городе? А это уже не знаю, знаю, что гусей каких-то ходил кормить к морю, или не гусей. И это не знаю. Короче, птиц каких-то крупных. Может и лебедей, а может и уток.

Про одну жену (не знаю не имени, ни какая она по счету) я спросила, чего развелся — это когда он сам сказал мне про развод, и сказал, что бухала как черт. А потом рассказал еще про своих недавних бывших — женщину скульптора с депрессией, которой он купил печь, и еще какую-то женщину с детьми, и она какой-то микроблогер, или психолог-таро. А. И друзья называли ее гипножабой, то ли за психологию, то ли за гипноз (Что? Не помню, не может такого быть, пытаюсь объяснить почему гипножаба и не помню контекста). Я помню

она отзывы постила в сторис от своих клиенток, что им нравились какие-то сеансы. На картах что ли она гадала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.